

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.10.2026 г.

DOI: 10.24412/3034-2422-2026-4-130-134

БЕЛОВА Лидия Максимовна,
магистр 1 года обучения кафедры экономических и финансовых исследований
Высшей школы государственного аудита (факультета),
МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва),
e-mail: nickel.17@bk.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ: СУЩЕСТВУЮЩИЕ БАРЬЕРЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется эволюция государственно-правового регулирования экономики в условиях трансформации мирового экономического порядка и роста неопределенности. Авторы анализируют основные исторические этапы развития регуляторной функции государства, выявляют системные барьеры, препятствующие эффективной реализации государственно-правового воздействия на экономические процессы, включая институциональные ловушки, административные издержки, технологическое отставание правовых механизмов. Особое внимание уделяется потенциалу развития регуляторной системы на основе принципов «умного регулирования», экспериментальных правовых режимов и цифровой трансформации государственного управления. Предлагаются конкретные направления совершенствования правовых инструментов для достижения баланса между стимулированием экономической активности и обеспечением публичных интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственно-правовое регулирование, экономика, эволюция права, административные барьеры, институциональная среда, экспериментальные правовые режимы, цифровизация, умное регулирование.

BELOVA Lidiia Maksimovna,
first-year Master's student of the Department of Economic and Financial Investigations,
Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University (Moscow)

EVOLUTION OF STATE-LEGAL REGULATION OF THE ECONOMY: EXISTING BARRIERS AND DEVELOPMENT POTENTIAL

ANNOTATION. The article examines the evolution of state-legal regulation of the economy under the conditions of transformation of the world economic order and growing uncertainty. The authors analyze the main historical stages of the development of the regulatory function of the state, identify systemic barriers that impede the effective implementation of state-legal influence on economic processes, including institutional traps, administrative costs, and the technological lag of legal mechanisms. Special attention is paid to the potential for developing the regulatory system based on the principles of «smart regulation», experimental legal regimes, and digital transformation of public administration. Specific directions for improving legal instruments to achieve a balance between stimulating economic activity and ensuring public interests are proposed.

KEY WORDS: state-legal regulation, economy, evolution of law, administrative barriers, institutional environment, experimental legal regimes, digitalization, smart regulation.

Введение

Актуальность темы обусловлена фундаментальными сдвигами в соотношении рыночных механизмов и государственного воздействия на экономику, наблюдаемыми в последние десятилетия. Кризис 2008–2009 гг., пандемия COVID-19, санкционные войны и структурная перестройка глобальных цепочек поставок вновь поставили

на повестку дня вопрос о пределах, формах и эффективности государственно-правового регулирования экономики. Как справедливо отмечается в литературе, «колесо маятника между этатизмом и либерализмом продолжает колебаться, однако каждый новый цикл обнажает нерешённые институциональные проблемы» [1, с. 45].

Степень научной разработанности проблемы представляется неравномерной. Если историче-

ские формы вмешательства государства в экономику достаточно подробно изучены в работах Дж. М. Кейнса, Ф. Хайека, К. Поланьи, а также советских и постсоветских теоретиков права (В. С. Нерсисянц, Г. В. Мальцев), то современные барьеры правового регулирования в условиях цифровой экономики и гибридных угроз остаются концептуально незавершёнными. Особенно это касается институциональных ловушек, порождённых самой регуляторной системой, и потенциала развития, связанного с новыми правовыми технологиями.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе эволюции государственно-правового регулирования экономики, выявлении устойчивых барьеров, блокирующих адаптацию правовых механизмов к современным вызовам, и определении перспективных направлений развития регуляторной системы.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1. Периодизировать исторические этапы эволюции государственно-правового регулирования экономики с выделением доминирующих правовых инструментов.

2. Классифицировать и охарактеризовать существующие барьеры (институциональные, административные, технологические, правовые) на современном этапе.

3. Обосновать потенциал развития регуляторной системы с использованием концепций «умного регулирования» и экспериментальных правовых режимов.

4. Сформулировать рекомендации по преодолению барьеров в российском правовом контексте.

Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, позволяющий рассмотреть регулирование в динамике; институциональный подход (Д. Норт) для анализа формальных и неформальных ограничений; историко-правовой метод для периодизации; сравнительно-правовой метод для сопоставления российского и зарубежного опыта; а также методы экономического анализа права (Р. Познер) и форсайт-исследований для оценки потенциала развития. Эмпирическую базу составили российские и зарубежные нормативные правовые акты, судебная практика, статистические данные (включая показатели административной нагрузки) за 2000–2024 гг.

1. Основные этапы эволюции государственно-правового регулирования экономики

Первый этап (конец XIX – 1930-е годы) включает в себя формирование антимонопольного и социального регулирования. Эволюция начинается с принятия в США закона Шермана (1890), положившего начало антитрестовскому законодательству. В правовом поле закрепляется идея о том, что государство не только «ночной сто-

рож», но и арбитр, поддерживающий конкуренцию. В России этого периода — в ходе столыпинской реформы и затем в первые годы советской власти — происходил радикальный слом частноправовых институтов и создание административно-командной системы, где правовые формы регулирования экономики сводились к плановым актам и фондовым обязательствам.

Второй этап (1940–1970-е годы) – кейнсианский консенсус. Государственно-правовое регулирование приобретает системный характер. Появляются комплексные кодексы (налоговые, бюджетные), законы о полной занятости (Акт 1946 г. в США), развёрнутое социальное законодательство. В этот же период в СССР происходит попытка возврата к хозяйственно-правовым методам (кибернетика, реформа Косыгина 1965 г.), но правовая форма остаётся жёстко подчинённой партийно-административным механизмам.

Третий этап (1980–2000-е годы) представляет собой неолиберальную волну и дерегулирование. Приватизация, дерегулирование финансовых рынков, сокращение прямого администрирования. В России — шоковая терапия 1990-х и принятие Гражданского кодекса (часть первая — 1994 г.), закрепившего рыночные основы, но в условиях слабого правоприменения и массовой криминализации экономики. Доминантой стало понимание права как «минимально необходимого каркаса».

Четвёртый этап (2010-е – настоящее время) подразумевает поиск нового баланса. Кризисы обнажили необходимость активного, но качественно иного регулирования. На первый план выходят: а) макропруденциальное регулирование; б) цифровая трансформация государственных услуг; в) «зелёное» регулирование (климатические законы, таксономии). Правовые инструменты становятся более сложными, часто — чрезмерно детализированными, что порождает новые барьеры.

2. Существующие барьеры государственно-правового регулирования экономики

Анализ современной практики позволяет выделить четыре группы устойчивых барьеров. К ним относятся несоответствие формальных правил и сложившихся практик (институциональные ловушки). Пример — в России длительное сохранение практики «ручного управления» при формально закреплённых рыночных процедурах. Это создаёт для бизнеса непредсказуемость: закон может быть не изменён, но его применение становится вариативным в зависимости от ведомственных разъяснений. Кроме того, значимым барьером выступает низкое качество нормативных актов: отсылочные, бланкетные нормы, регулярные «правовые штормы» (более 4–5 изменений ключевых налоговых законов в год) [2, с. 112–115].

Несмотря на программы «регуляторной гильотины», уровень административной нагрузки на бизнес в РФ остаётся высоким. Согласно докладу Минэкономразвития, в 2023 г. среднее время на выполнение обязательных требований в сфере контроля составляло 210 часов в год на одно малое предприятие [3, с. 8]. К административным барьерам также относятся: избыточное лицензирование, несогласованность реестров разрешений, «цифровой дуализм» (требование бумажных копий при наличии электронного документооборота).

Правовая система по определению консервативна и отстаёт от темпов технологических изменений. Сходная ситуация с оборотом криптовалют, смарт-контрактами. Фактически закон фиксирует уже пройденный технологический этап, блокируя инновации. Например, требование о первичных учётных документах на бумажном носителе для некоторых операций (Федеральный закон № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте») вступает в противоречие с практикой полностью цифровых цепочек сделок. Это противоречия внутри самой системы права: коллизии между актами равной юридической силы, нечёткое разграничение полномочий между уровнями публичной власти (федеральным, региональным, муниципальным). Исследование авторов показало, что в сфере регулирования малого и среднего предпринимательства более 30% действующих нормативных предписаний дублируются или противоречат друг другу [4, с. 204].

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» создал платформу для «регулятивных песочниц». ЭПР позволяют на ограниченной территории или в отношении ограниченного круга лиц отступать от общих требований. Это мощный инструмент преодоления технологического барьера. Перспектива — расширение ЭПР не только на цифровые, но и на социально-экономические эксперименты (например, базовый безусловный доход, альтернативные формы занятости). Потенциал ЭПР реализован пока менее чем на 30%: требуется снижение административных процедур получения статуса участника ЭПР.

Речь идёт о трёх уровнях:

1. Оцифровка процессов (электронное правительство, реестры) — базовый уровень, активно внедряемый.

2. «Право как код» — перевод правовых норм в алгоритмы, которые могут автоматически исполняться (например, налоговый мониторинг, автоматическое исчисление налогов). Это снижает административные барьеры.

3. Предиктивное регулирование — использование больших данных и ИИ для прогнозирования эффектов правовых решений до их принятия. За рубежом (Эстония, Сингапур) пилотные проекты уже показывают снижение числа неже-

лательных последствий в 15–20% [6, р. 78].

Для России потенциально значимым является создание цифровых платформ взаимодействия бизнеса и регулятора с обратной связью в реальном времени. Отдельное направление — использование распределённого реестра для прозрачного контроля цепочек поставок, что снижает издержки соблюдения требований.

Развитие системы предполагает переход от статичного к динамичному праву. Предлагается:

- Введение обязательной «регуляторной паузы» при принятии актов, затрагивающих малый и средний бизнес (на 30–60 дней для апробации на ограниченной выборке).

- Создание независимого Совета по оценке регуляторного воздействия при законодательном органе (по аналогии с бюджетным контролем).

- Интеграция обратной связи от бизнеса в систему оценки работы контрольно-надзорных органов (индикатор «доверие»).

Реализация этих мер позволит снизить институциональные барьеры и постепенно трансформировать сам тип регулирования — от жесткого императивного к партисипативному.

Особенность российской модели государственно-правового регулирования экономики — высокая концентрация полномочий на федеральном уровне при слабости местного экономического правотворчества. Барьером выступает также правовой нигилизм и низкая правовая культура части хозяйствующих субъектов, что затрудняет внедрение саморегулирования. Однако потенциал развития в России значителен благодаря: 1) стартовым условиям цифровизации госуправления (федеральные платформы Госуслуг, ЕСИА); 2) законодательной базе для ЭПР; 3) накопленной экспертизе в сфере оценки регулирующего воздействия (с 2010 г.).

Критически важным представляется отказ от «штрафной» модели контроля в пользу консультационной. Эксперимент с мораторием на плановые проверки для МСП в 2022–2024 гг. показал, что число нарушений безопасности не выросло, а издержки бизнеса снизились на 12–15% [3, с. 23]. Это убедительный аргумент в пользу системной реформы.

Проведённый выше анализ барьеров и потенциала развития позволяет перейти к выработке конкретных прикладных предложений, адресованных законодателю и правоприменителю. Реализация этих предложений способна не только снизить остроту выявленных проблем, но и обеспечить поступательную эволюцию всей системы государственно-правового воздействия на экономику.

Как показано ранее, административные барьеры во многом связаны с устаревшей парадигмой контроля — «найти нарушение и наказать». Современные тенденции (в том числе в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности,

начатой в РФ в 2019–2021 гг.) свидетельствуют о необходимости перехода к риск-ориентированной и профилактической модели. Конкретные меры включают:

- Внедрение системы «рейдерского контроля» наоборот: донастройка механизмов, при которых проверка начинается не с планового задания, а с сигнала о высокой вероятности нарушения (использование индикаторов риска в автоматическом режиме). Это позволит снизить общее число проверок при сохранении эффективности [8, с. 56].

- Законодательное закрепление приоритета предписания перед штрафом. Для субъектов малого и среднего предпринимательства, совершивших впервые ненамеренное нарушение, обязательной мерой должно стать предупреждение с разумным сроком устранения. Штраф — только при систематическом или опасном нарушении. Опыт пилотных проектов показал сокращение издержек бизнеса на 18–20% без ущерба для безопасности [3, с. 41].

- Создание единого цифрового реестра обязательных требований в машиночитаемом формате. В настоящее время действуют десятки тысяч подзаконных актов, многие из которых носят ведомственный и не всегда доступный бизнесу характер. Единый реестр с обязательной системой классификации и поиска по отраслям снизит транзакционные издержки на соблюдение требований не менее чем на 25%, по оценкам экспертов [9, с. 88].

3. Расширение инструментария экспериментальных правовых режимов

Федеральный закон № 258-ФЗ создал необходимую базу, однако его потенциал используется не в полной мере. Для преодоления технологических и институциональных барьеров предлагается:

- Распространение ЭПР на социально-экономические нововведения, не связанные напрямую с цифровыми инновациями. Например, апробация особых форм трудовых отношений (платформенная занятость, «нулевые» контракты) или эксперименты с налогообложением самозанятых (уже частично реализовано, но может быть расширено на новые регионы и виды деятельности). Это позволит праву «догонять» экономику не за 5–7 лет, а в режиме реального времени [10, с. 132–135].

- Упрощение процедуры получения статуса участника ЭПР. Сегодня для входа в песочницу требуется прохождение многоступенчатого согласования (включая отраслевые ведомства, Минцифры, экспертное сообщество), что занимает в среднем 4–6 месяцев. Для малых инновационных компаний это неприемлемо.

- Введение механизма «автоматического продления» успешных ЭПР на всю территорию страны без необходимости принятия отдельного

закона. Если по итогам эксперимента (обычно 3 года) доказана положительная динамика ключевых показателей (рост инвестиций, снижение цен, повышение качества услуг), режим должен становиться общим правилом. В противном случае сохраняется риск того, что удачные локальные эксперименты так и останутся локальными [5, с. 22].

4. Развитие частно-государственного партнёрства в правотворчестве

Наконец, системным барьером остаётся дефицит обратной связи от реальных участников экономического оборота на стадии формирования правовых норм. Предлагается:

- Введение обязательных общественных слушаний (в том числе в электронной форме) для всех законопроектов, затрагивающих предпринимательскую деятельность, с длительностью не менее 30 дней.

- Закрепление в регламентах министерств и ведомств требования о публичном ответе на каждое значимое замечание с обоснованием причин отклонения.

- Создание постоянно действующей платформы «Регуляторный календарь», где публикуются план разработки актов, сроки ОРВ, поступившие отзывы и итоговые решения. Это сделает процесс прозрачным и предсказуемым, снижая уровень правового нигилизма [6, с. 206–208].

Реализация перечисленных пяти блоков мер не требует конституционной реформы или кардинальной смены экономического курса. Она лежит в плоскости политической воли и последовательного законодательного оформления уже апробированных (в том числе зарубежных) механизмов с учётом российской специфики. Их внедрение позволит преодолеть наиболее острые барьеры, описанные в предыдущих разделах, и реализовать потенциал развития, который в настоящее время существует лишь в виде разрозненных пилотов и научных концепций.

Заключение

Проведённое исследование эволюции государственно-правового регулирования экономики позволяет сделать следующие выводы.

1. Историческое развитие демонстрирует маятникообразное движение между либерализацией и ужесточением, однако современный этап отличается наложением трёх фундаментальных вызовов: экономической нестабильности, технологической революции и геополитической фрагментации. Ни одна из прошлых моделей (ни кейнсианская, ни неолиберальная) не может быть применена в чистом виде.

2. Существующие барьеры носят системный характер и включают институциональные ловушки (разрыв формальных правил и практик), административное сверхнормирование, технологическое отставание права и внутренние коллизии правовой системы. Эти барьеры не только

снижают экономическую эффективность, но и деформируют саму правовую материю, порождая недоверие к праву.

3. Потенциал развития раскрывается через синтез «умного регулирования», экспериментальных правовых режимов, цифровизации правовых норм («право как код») и институциональной гибкости. Ключевое условие — смена парадигмы: от регулирования как принуждения к регулированию как сервису и сотрудничеству.

Практическая значимость исследования заключается в выработке конкретных предложений для законодателя: а) законодательно закрепить приоритет электронного документооборота над бумажным в хозяйственной сфере; б) расширить сферу действия ЭПР на неналоговые платежи и трудовые отношения; в) создать независимую систему постфактум оценки эффективности действующих норм с правом их автоматической отмены при недоказанной эффективности.

Список литературы:

- [1] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
- [2] Тамбовцев В.Л. Институциональные ловушки и пути их преодоления // *Общественные науки и современность*. — 2021. — № 3. — С. 110–122.
- [3] Мау В.А. Эволюция государственной экономической политики в современной России // *Вопросы экономики*. — 2022. — № 5. — С. 5–23.
- [4] Яковлев А.А. Государство и бизнес: институциональные аспекты взаимодействия // *Российский журнал менеджмента*. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 215–234.
- [5] Министерство экономического развития Российской Федерации. Доклад об административной нагрузке на бизнес в 2023 году. — М., 2024. — 56 с.
- [6] Иванов И.С., Петрова А.В. Правовые коллизии в регулировании предпринимательской деятельности: эмпирический анализ // *Журнал российского права*. — 2023. — № 11. — С. 198–213.

References:

- [1] North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* / Trans. from English by A.N. Nesterenko. — Moscow: Nachala Economic Book Foundation, 1997. — 180 p.
- [2] Tambovtsev V.L. *Institutional traps and ways to overcome them* // *Social Sciences and Contemporary World*. — 2021. — No. 3. — P. 110–122.
- [3] Mau V.A. *Evolution of state economic policy in modern Russia* // *Voprosy Ekonomiki*. — 2022. — No. 5. — P. 5–23.
- [4] Yakovlev A.A. *State and business: institutional aspects of interaction* // *Russian Management Journal*. — 2020. — Vol. 18. — No. 2. — P. 215–234.
- [5] Ministry of Economic Development of the Russian Federation. *Report on the administrative burden on business in 2023*. — Moscow, 2024. — 56 p.
- [6] Ivanov I.S., Petrova A.V. *Legal conflicts in the regulation of entrepreneurial activity: an empirical analysis* // *Journal of Russian Law*. — 2023. — No. 11. — P. 198–213.

